

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Позже

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
LATER

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Художник *Д. Андреев*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Позже : [роман] / Стивен Кинг ; [перевод с английского Т. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Темная башня).

ISBN 978-5-17-158283-8

Джейми Конклин, живущий с матерью в Нью-Йорке, хочет быть всего лишь обычным подростком... но у него есть весьма необычный дар. Дар, который его мама настоятельно просит скрывать от других.

Джейми умеет разговаривать с теми, кого уже нет на этом свете, а значит, ему доступны секреты, ушедшие с покойным в могилу.

Однако обладание этим даром может стоить Джейми слишком дорого. В чем он скоро и убеждается, когда мамина подруга, детектив Лиз Даттон, просит его помочь разгадать последнее послание серийного подрывника. А на кону — десятки, сотни невинных жизней...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King, 2021

© Перевод. Т. Покидаева, 2021

ISBN 978-5-17-158283-8 © Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Крису Ломмсу

Завтрашних дней не так много.

Майкл Лэндон

Я не люблю начинать с извинений — возможно, даже есть правило, запрещающее подобный прием, вроде правила, что предложение не должно оканчиваться предлогом, — но, перечитав первые тридцать страниц, я подумал, что извиниться все-таки надо. Извиниться за частое употребление слова из пяти букв, начинающегося на «п». Нет, это не то, о чем вы подумали. Хотя *то* слово, как и много других нехороших слов, перенятых у мамы, я тоже знал с юных лет (в чем вам еще предстоит убедиться). Я имею в виду слово «позже» в таких сочетаниях, как «позже я выяснил» или «только позже я понял». Да, оно повторяется слишком часто, но я не знаю, как построить рассказ по-другому, потому что моя история начинается в те времена, когда я еще верил в Санта-Клауса и зубную фею (хотя даже в шесть лет у меня уже были сомнения). Сейчас мне двадцать два, и «позже» вроде как наступило, да? Наверное, когда мне исполнится сорок — при условии, что я доживу до такого возраста, — я вспомню все, что, как мне представлялось, понимал в двадцать два года, и приду к выводу, что очень многого не понимал. Всегда есть какое-то «позже», теперь я это знаю. По крайней мере, пока мы не умрем. А потом, видимо, наступает *все, что было раньше*.

Стивен Кинг

Меня зовут Джейми Конклин, и когда-то давным-давно я нарисовал индейку ко Дню благодарения. Мне казалось, что она офигенная. Позже — причем ненамного позже — выяснилось, что она откровенно фиговая. Иногда правда бывает паршивой.

Мне кажется, это будет история в жанре ужасов. Смотрите сами.

1

Я возвращался домой из школы вместе с мамой. Она держала меня за руку. В другой руке я сжимал свой рисунок — индейку, которую мы рисовали в первом классе за неделю до Дня благодарения. Я чертовски гордился своей индейкой. Делалась она так: ты клал руку на кусок картона и обводил мелком. Получались туловище и хвост. А голову ты дорисовывал сам.

Я показал маме индейку, и мама сказала «ага-ага» и «да-да-да, очень круто», но вряд ли она ее видела по-настоящему. Наверняка думала о чем-то другом. Может быть, о какой-то из книг, которые пыталась продать. «Продвинуть продукт», как она это называла. Мама, чтобы вы понимали, была литературным агентом. Изначально агентство принадлежало ее брату, моему дяде Гарри, но перешло к маме за год до описываемых событий. Это долгая и совсем невеселая история.

— Я ее сделал зеленой, потому что это мой любимый цвет, — пояснил я. — Ты же знаешь, да?

Мы уже подходили к дому. Всего в трех кварталах от школы.

Мама сказала «ага-ага». И добавила:

— Когда придем домой, займись чем-нибудь, поиграй или посмотри «Барни» или «Волшебный школьный автобус». Мне надо сделать миллион звонков.

Теперь уже я сказал «ага-ага», и мама ткнула меня пальцем в бок и улыбнулась. Я любил, когда она улыбалась — когда у меня получалось заставить ее улыбнуться, — потому что даже в шесть лет понимал, что мама слишком серьезно относится к жизни. Позже я выяснил, что отчасти из-за меня. Она боялась, что я ненормальный. В тот день, о котором идет рассказ, она окончательно убедилась, что я все-таки не сумасшедший. С одной стороны, это было большим облегчением, но с другой — может, и нет.

— Ни с кем об этом не говори, Джейми, — сказала она позже в тот день. — Только со мной. А может, и со мной не говори. Хорошо?

Я сказал, хорошо. Когда ты еще маленький, во всем соглашаешься с мамой. Если только она не велит идти спать. Или доест брокколи.

Мы вошли в наш подъезд, и лифт все еще не работал. Можно сказать, что все было бы по-другому, если бы лифт уже починили, но мне так не кажется. Мне кажется, люди, утверждающие, что все в жизни зависит от нашего выбора, просто гонят пургу. Потому что, смотрите, в лифте или по лестнице, мы все равно поднялись бы на третий этаж. Когда в тебя тычет перст судьбы, все дороги ведут в одно место. Таково мое мнение. Может быть, с возрастом я его изменю, но скорее всего нет.

— Гребаный лифт, — сказала мама и быстро добавила: — Ты ничего не слышал, малыш.

— Чего не слышал? — спросил я, и мама опять улыбнулась. В последний раз за тот день. Я предложил взять у нее сумку с рукописью, довольно объемной, страниц на пятьсот (пока мама ждала меня после уро-

ков, она обычно читала на лавочке во дворе, если погода была хорошая). Мама сказала:

— Спасибо за предложение, но что я тебе всегда говорю?

— В жизни каждый несет свою ношу.

— Вот именно.

— Это Риджис Томас? — спросил я.

— Да, старый добрый Риджис, наш кормилец.

— Что-то про Роанок?

— Надо ли спрашивать, Джейми?

Я тихонько хихикнул. Старый добрый Риджис писал *только* про Роанок. Это была его ноша по жизни.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж, где было всего три квартиры. Наша, в конце коридора, была самой лучшей. Мистер и миссис Беркетты стояли у двери в квартиру 3А, и я сразу понял, что что-то случилось, поскольку мистер Беркетт курил сигарету. Я впервые увидел его курящим. К тому же у нас в доме было категорически запрещено курение. Глаза у мистера Беркетта покраснели, седые волосы стояли торчком. Я всегда называл его мистером, хотя на самом деле он был профессором и преподавал что-то умное в Нью-Йоркском университете. Английскую и европейскую литературу, как я выяснил позже. Миссис Беркетт была босиком и в одной ночной рубашке. Очень тонкой ночной рубашке. Мне были видны почти все ее женские прелести.

— Марти, что случилось? — спросила мама.

Прежде чем он успел ответить, я показал ему свою индейку. Потому что он был очень грустным и мне хотелось его развеселить, но еще и потому, что я гордился своим рисунком.

— Мистер Беркетт, смотрите! Я нарисовал индейку! Смотрите, миссис Беркетт! — Я поднял лист, держа его прямо перед лицом, чтобы миссис Беркетт не подумала, что я разглядываю ее прелести.

Мистер Беркетт не обратил на меня внимания. Я вообще не уверен, что он меня слышал.

— Тия, это такое горе... Мона скончалась сегодня утром.

Мама уронила к ногам сумку с рукописью и прижала ладонь ко рту.

— Нет! Скажите, что это неправда!

Мистер Беркетт заплакал.

— Она встала ночью, сказала, что хочет пить. Я потом сразу уснул, а утром смотрю: она лежит на диване, натянув одеяло до подбородка. Я на цыпочках прошел в кухню и поставил вариться кофе. Подумал, приятный запах ее ра-ра-разбу... разбудит...

Тут он разрыдался уже всерьез. Мама крепко его обняла, как обнимала меня, когда мне было больно, хотя мистеру Беркетту было, наверное, сто лет (семьдесят четыре, как я выяснил позже).

Вот тогда-то со мной и заговорила миссис Беркетт. Слышно ее было плохо, но не так плохо, как некоторых других, потому что она была еще «свеженькой».

— Не бывает зеленых индейк, Джеймс, — сказала она.

— У меня бывает, — ответил я.

Мама по-прежнему обнимала мистера Беркетта и как бы баюкала его в объятиях. Они не слышали миссис Беркетт, потому что вообще не могли ее слышать, а меня — потому что занимались своими взрослыми делами: мистер Беркетт рыдал, а мама его утешала.

Мистер Беркетт проговорил сквозь слезы:

— Я позвонил доктору Аллену, и он пришел и сказал, что у нее, видимо, случился угар. — По крайней мере, мне показалось, что он так сказал. Он так горько плакал, что я с трудом разбирал слова. — Он сам позвонил в похоронное бюро. Они ее увезли. Не знаю, как я теперь без нее буду жить.

— Если мой муж так и будет размахивать сигаретой, он подпалит волосы твоей маме, — сказала миссис Беркетт.

И конечно же, так и случилось. Я почувствовал запах паленых волос. Такой запах обычно бывает в парикмахерских. Мама вежливо промолчала, но разжала объятия, отобрала у мистера Беркетта сигарету, бросила ее на пол и затушила ногой. Я подумал, что так нельзя — нельзя мусорить в подъезде, — но ничего не сказал. Я понимал, что сегодня особый случай.

И еще я понимал, что если продолжу беседовать с миссис Беркетт, то наверняка напугаю мистера Беркетта. И маму тоже. Даже ребенок, если он не совсем слабоумный, способен уразуметь элементарные вещи. Не забывай говорить «пожалуйста» и «спасибо», не размахивай пиписькой у всех на виду, не жуй с открытым ртом и не разговаривай с мертвыми в присутствии живых, которые только начинают по ним скорбеть. Скажу в свое оправдание, что я не понял, что миссис Беркетт мертва, когда только увидел ее в коридоре. Позже я научился различать мертвецов, но тогда я еще этого не умел. Полупрозрачной была ночная рубашка, но не сама миссис Беркетт. Мертвецы выглядят в точности как живые, но всегда носят одежду, в которой умерли.

Мистер Беркетт тем временем пересказывал маме, как все было. Как он сидел на полу у дивана и держал

жену за руку, пока не приехал врач, а потом снова сидел и держал, пока не прибыл гробовщик и не увез ее в похоронное бюро. «Забрал ее», так он выразился, и я понял, о чем речь, только когда мама мне объяснила. И сперва я подумал, что речь идет о парикмахерской, возможно, из-за запаха маминых жженных волос, которые мистер Беркетт подпалил своей сигаретой. Он почти перестал плакать, но теперь вновь разрыдался.

— Ее кольца пропали, — проговорил он сквозь слезы. — И обручальное кольцо, и помолвочное, с большим бриллиантом. Я смотрел на тумбочке у кровати, обычно Мона клала их туда, когда мазала руки этим вонючим кремом от артрита...

— Крем и вправду не благоухает, — согласилась миссис Беркетт. — Ланолин — это, по сути, шерстяной воск, но он действительно помогает.

Я кивнул, чтобы она поняла, что я слушаю, но ничего не сказал.

— ...и на раковине в ванной, потому что она иногда оставляет их там... я смотрел *везде*.

— Они найдутся, — успокоила его мама и вновь обняла мистера Беркетта, потому что теперь ее волосам ничто не угрожало. — Они найдутся, Марти, не волнуйтесь.

— *Мне так ее не хватает! Мне уже ее не хватает!*

Миссис Беркетт помахала рукой у себя перед лицом.

— Не пройдет и полутора месяцев, как он пригласит на обед Долорес Магован.

Мистер Беркетт рыдал, моя мама его утешала, как утешала меня, когда я поцарапал коленку или пролил кипяток себе на руку, пытаюсь налить маме чаю. В общем, шум стоял на весь коридор, и я решился тихонько спросить:

— Где ваши кольца, миссис Беркетт? Вы знаете?

Мертвым положено говорить правду. В шесть лет я этого еще не знал; я был уверен, что *все* взрослые — и живые, и мертвые — всегда говорят только правду. Конечно, в то время я верил, что сказочная Златовласка — реальная девочка. Если хотите, считайте меня дурачком. Но я хотя бы не верил, что три медведя и впрямь говорили человеческим голосом.

— В шкафу в коридоре, на верхней полке, — сказала миссис Беркетт. — У задней стенки, за старыми альбомами.

— Почему там? — спросил я, и мама странно на меня посмотрела. С ее точки зрения, я разговаривал с пустым дверным проемом... хотя она уже знала, что я не такой, как другие дети. После случая в Центральном парке, жутковатого случая — о нем я еще расскажу, — я случайно подслушал, как в разговоре с редактором по телефону мама назвала меня «фейри». Я тогда страшно перепугался, потому что подумал, что она собирается переименовать меня в Фейри, а это какое-то девчачье имя.

— Не имею ни малейшего представления, — сказала миссис Беркетт. — Наверное, у меня уже случился удар. Все мои мысли утонули в крови.

Мысли утонули в крови. Никогда этого не забуду.

Мама спросила, не хочет ли мистер Беркетт зайти к нам выпить чаю («или чего покрепче»), но он сказал, нет, спасибо, он лучше еще раз поищет пропавшие кольца жены. Мама спросила, не занести ли ему еды из китайского ресторана, которую она собиралась заказать нам на ужин, и мистер Беркетт ответил, что это было бы здорово, спасибо, Тия.